

Автор - Анатолий Жариков, п.Высокий (Украина).

Майя Шварцман

Я позабыл,
какой на сегодня вторник,
зачем ходит облако,
куда растёт дерево.
Прислала весточку из Гента Майя:
—Всплывай, Анатолий! —
напомнила, что живём
в одно время. —

«Как вам, милые мои, помочь?
Я такой же забулдыга-графоман.
У меня от божьего только дочь,
у меня от Бродского только ман».

Ты умеешь улья ворошить,
где янтарный мёд чудесно мёртв,
ты умеешь отдавать свой мёд,

чтоб взамен жить.

Улыбкой не настроишь мир,
не потеряв улыбки.
Настройщик может уйти,
музыка должна остаться,
останется место,
где он стоял, сидел,
останется его голос, улыбка,
которые незаметно будут настраивать
разбитые жилы оставшихся,
чтобы они могли проснуться,
подняться, пойти куда-то,
на новые места,
где музыка совершенна,
слова искренни,
а женщины своей красотой
сдерживают некоторую вспыльчивость
соперничающих мужчин.
Сюда настройщик придёт не скоро.

В левой скрипки выя,
голос воя в правой.
Целую обе.

* * *

Я обязан только родителям, их ночи звездастой от марта,
потом мосластым рукам акушерки, вниманию педиатра.

Кажется мне, я рано увидел мир и без интереса,
мне всегда не хватало физики: силы, длины и веса.

Не замедлил серьёзных смотрин перед службой в армии
взгляд военной сестры, он был явно рассеян на моих гениталиях.

И слагал я слова, как Майя Шварцман в пять лет на идише,
стих поднялся во мне где-то возле пятидесяти.

Что из лучшего, кажется, что-то такое было,
напечатал Евгений Орлов в «Площади Мира».

Что имел, я оставил, родина, в чужом доме:
кошку, стол со стулом, тетрадь, снежки валидола,

миру чёрствого хлеба честных детей, женщины слёзы

и совсем немного тоски, как до той берёзы.

* * *

Тут хорошо! Остайся – и старей...

Елена Таганова

Родись, не умирай, живи,
тут хорошо и лучше, се ля ви,
посадишь ветку, ветка даст плоды.
Она сказала: будет до среды.

Устанется – присядь, вина налей,
в корзине яблоки, на ветке воробей,
полей цветы и кошку пожалей.
Здесь хорошо, живи себе, старей.

